

РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ МИРА

Герасина Л. Н.

Проанализированы сущностные процессы развития современных международных политических отношений, на которые мощно влияют реконструкция мировой политической системы, формирование нового глобального миропорядка, изменение геополитических цивилизационных координат и трансформация властных влияний между государствами мира.

Ключевые слова: *международные политические отношения, мировая политическая система, глобальная реконструкция мира, новый глобальный миропорядок, геостратегии.*

DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL POLITICAL RELATIONS IN THE CONDITIONS OF GLOBAL RECONSTRUCTION OF THE WORLD

Gerasina L. N.

The essence processes of development of modern international political relations, on which render powerful influence the reconstruction of the world political system, forming of new global миропорядка, change of geopolitical civilization co-ordinates and transformation of imperious influences between the states of the world, are analysed.

Key words: *international political relations, world political system, global reconstruction of the world, new global world order, geopolitical strategies.*

УДК 327(470:4)

К. Н. Лобанов, доктор политических наук, доцент

КРИЗИСЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: ТРАГЕДИЯ БЕЗЫСХОДНОСТИ ИЛИ ШАНС НА ОБНОВЛЕНИЕ?

Посвящена актуальной для внутренней политической жизни постсоветских государств проблеме разворачивания и преодоления кризисов политического развития. Показаны происхождение, внутреннее содержание различных типов политического кризиса и намечены основные пути выхода из состояния перманентной социальной и политической напряженности.

Ключевые слова: социальный кризис, кризис политического развития, социальная напряженность, политические противоречия, разрешение политического кризиса, восстановление равновесия в обществе и в политической системе.

Актуальность проблемы. В последнее время из уст многих государственных и общественных деятелей, политических и экономических экспертов, телекомментаторов и журналистов все чаще приходится слышать слово «кризис». Это слово звучит то предостерегающе, то угрожающе в зависимости от тональности и содержания транслируемого для аудитории информационного материала. Так, о кризисе сейчас принято говорить применительно к новой фазе мирового финансового и экономического спада, который охватывает целые регионы мира и, как утверждают, приближается к нашим рубежам. Про кризис вспоминают и тогда, когда характеризуют, например, нынешнее состояние отношений России с Западом, особенно с Соединенными Штатами. Слышим мы и то, как употребляется это понятие по иным поводам (сложное положение в отдельных отраслях экономики и социальной сферы, неоднозначные итоги реформирования ряда ведомств, факты коррупционного разложения в органах власти и т. д.). Не будем оспаривать правомерность и уместность использования этого сильного в эмоциональном смысле выражения применительно к тем или иным конкретным ситуациям. В конце концов это вопрос оценки. Оставим в стороне и влияние кризисогенных внешних факторов, поскольку последние часто подвержены колебаниям мировой экономической и политической конъюнктуры и по своей природе преходящи. К тому же эти факторы не несут в себе фатальных угроз для государственности и общественного устройства. Нет также смысла замыкаться на частных фактах и событиях, так как это всегда проявления кризисности более обширной и иного уровня опасности. О самых глубинных и наиболее острых кризисах политического развития последних десятилетий пойдет речь в данной публикации.

Анализ источников и публикаций по теме. О политических кризисах современности пишут много. В российской политологической, социологической и конфликтологической литературе проблема политических кризисов и их все-стороннего анализа поднималась в трудах А. В. Глуховой, А. В. Дмитриева, А. К. Зайцева, Г. И. Козырева, Е. И. Носырева, Б. И. Хасана, Д. А. Шевчука и др¹.

¹ См.: Глухова А. В. Политические конфликты: основания, типология, динамика (теоретико-методологический анализ). – М. : Эдиториал УРСС, 2000; Дмитриев А. В. Конфликтология. – М. : Гардарики, 2007; Зайцев А. К. Социальный конфликт. – М. : Academia, 2001; Козырев Г. И. Политическая конфликтология. – М. : Форум, ИНФРА-М, 2008; Носырева Е. И. Альтернативное разрешение споров в США. – М. : Городец, 2005; Хасан Б. И. Конструктивная психология конфликта. – Санкт-Петербург : Питер, 2003; Шевчук Д. А. Конфликты: избегать или форсировать? – М. : ГросМедиа, 2009.

Вместе с тем, данные авторы обычно рассматривали феномен политического кризиса в рамках общей конфликтологии, трактуя его лишь как предварительную стадию политического конфликта, не выделяя специфики политического кризиса как относительно самостоятельного и активного компонента современного политического процесса.

Цели статьи. Рассмотреть основные разновидности кризисов политического развития на современном евразийском постсоветском пространстве; выявить степень их социальной деструкции/наличие позитивно-конструктивного потенциала; показать пути преодоления противоречий, лежащих в основе данных кризисов.

Основное содержание статьи. В новейшей истории большинства постсоветских государств кризисов политического развития наблюдается несколько. Назовем их условно кризисом идентичности, кризисом распределения, кризисом участия, кризисом «проникновения», кризисом легитимности. Все кризисы в той или иной степени развиваются параллельно и часто взаимообуславливают друг друга, имеют одни корни и сходную природу. Своё происхождение эти социальные явления ведут от начала глубоких трансформационных изменений, которые пережили молодые демократические государства на рубеже 80–90-х годов прошлого столетия и связаны с противоречивым и сложным процессом становления новой общественной и политической реальности.

Одним из наиболее чувствительных для наших обществ и государств является **кризис идентичности (принадлежности)**. Как правило, этот кризис наступает с распадом идеалов и ценностей, доминировавших в политической культуре предшествовавшего периода. Он выражается в активном поиске людьми новых духовных ориентиров для осознания своего места в обществе и своих связей с государством. Особую остроту кризис идентичности приобретает в период радикальных реформ. В результате крушения социализма произошла быстрая эрозия идеологических основ советской власти, а вместе с ними и тех ценностей и моральных установок, которые эта власть тщательно культивировала в индивидуальном и коллективном сознании своих граждан. Новой идеологии и морали взамен ушедших выработано не было. Они не предложены обществу и по сей день. Образовавшийся идеологический вакуум стал заполняться в соответствии с заимствованной извне моделью дальнейшего развития, а это – курс на создание рыночной экономической и демократической политической систем западного образца. Бывшим советским гражданам поочередно и настойчиво внушались преимущества то одной, то другой парадигмы общественного развития. Все это сопровождалась стремительным утверждением новых целеустановок, этики

и нравов, по своему содержанию вовсе не соответствовавших современной стадии развития западных обществ, а скорее свойственных полудикой эпохе начального накопления капитала. Вместо характерных для нашего менталитета традиций коллективизма и взаимопомощи, дружелюбия и толерантности стали прививаться плохо сочетающиеся со славянской культурой качества индивидуализма и эгоизма, замкнутости и агрессивности. Эта «революция в мозгах» очень дорого нам стоила. В результате сильнейшего духовно-нравственного стресса наши общества стали еще более дезорганизованными и слабо внутренне консолидированными. Без понятных и приемлемых духовных ориентиров, в том числе в отношении целей и перспектив развития общества и государства, люди стали искать выход в асоциальных или деструктивных по своей сути формах бытия – аполитичности, радикализме, безверии, алкоголизме, суицидах. Настораживающим является также стремление все большего числа граждан наших государств эмигрировать из страны. Например, по данным ВЦИОМа (январь 2013 г.), треть городских жителей в возрасте от 25 до 40 лет, обладающих стабильным и достаточно высоким доходом, изъявляют желание покинуть Россию при такой возможности [1]. Разве эти цифры не являются показателем утраты своей принадлежности к великой культуре, истории, традициям, моральным устоям?

Приостановить и преодолеть кризис идентичности можно и нужно. Прежде всего необходимо определиться с идеологическими основами нашего общественного и государственного устройства, которые поясняют смысл, сущность, цели, перспективы развития социума и его политической организации. Выводы модных в 90-х годах XX в. западных социологов и социальных философов С. Хантингтона, Ф. Фукуямы, Ё. Масуды о «завершении века идеологий» не оправдались и, к тому же, вовсе не подходят для России и других новых демократий на обширном евроазиатском пространстве [2; 3; 4]. Россия – не Бельгия и не Голландия, а огромная евроазиатская полиэтничная и поликонфессиональная держава, которую на протяжении всего исторического времени ее существования удерживали от распада не только единые экономические и политические стимулы, но и общие духовные скрепы. Поэтому сердцевину идеологии должны составлять некоторые базовые концептуальные положения, а по сути социальные ценности, по поводу которых у большинства членов общества сложится хотя бы минимальный консенсус и которые люди будут готовы разделять и защищать. Такими ценностными ориентирами могут выступать: свободный статус личности, равенство возможностей, социальная справедливость, обеспечение комфортной для развития людей социальной среды, гражданский мир, безопасность, экономическое процветание, сопричастность к великой культуре и истории.

Вкупе такие ценности составляют так называемую «национальную идею» – духовный феномен, который при условии его выработки обществом и государством и закрепления в индивидуальном и коллективном сознании граждан превращается в мощную созидательную силу, источник развития и духовного очищения нации, гарантию ее исторической перспективности. Если оформляется идеологическая система, то со временем и, разумеется, не механически, а при целенаправленном воздействии общественных и государственных институтов начинают под нее «подстраиваться» другие подсистемы духовной жизни – этика, психология, ментальность, поведенческие структуры. То есть именно то, что нас сегодня не устраивает и что мы хотели бы изменить к лучшему в первую очередь.

Кризису идентичности как кризису переходного периода развития общества нередко сопутствует *кризис распределения*. В самых общих чертах этот тип кризиса заключается в недостаточной способности властных структур удовлетворить в приемлемых для населения формах его материальные и духовные потребности. Иными словами, растущие запросы людей, привязанные к меняющимся стандартам и способам потребления, приходят в противоречие с предлагаемым властью механизмом распределения экономических, социальных и культурных благ, который не соответствует ожиданиям граждан. Большой проблемой для сегодняшней России, например, является то обстоятельство, что указанный механизм распределения основных социальных ресурсов не просто не соответствует ожиданиям граждан, он «работает» не в пользу основной их массы, и люди это хорошо понимают. Они видят, как вся наша общественная система постепенно откатывается назад к временам жесткой классовой дифференциации, когда доступ населения к материальным и нематериальным благам был строго ограничен и являлся уделом немногих. Национальное богатство, создававшееся трудом всего общества (а в нашем случае – и просто природой), через сложные имущественно-правовые механизмы, охраняемые государством, перераспределялось в интересах господствовавших классов или корпоративных групп. Классовый принцип действовал также при распределении социальных и культурных благ. Лишь незначительная часть населения имела возможность пользоваться преференциями, льготами, привилегиями, могла позволить себе высшее образование и качественный медицинский сервис. Вместе с тем сегодня классовые общества с их распределительной системой – это уже анахронизм. Многие страны давно прошли эту стадию общественного развития, поняв всю пагубность и взрывоопасность последствий жесткой классовой дифференциации общества. Они используют более гибкие и социально приемлемые формы поддержания общественного равновесия, воплотившиеся на практике в фор-

мировании и существовании так называемого «государства всеобщего благоденствия», или «социального государства». Курс на создание такой формы государства продекларирован в конституциях практически всех республик бывшего СССР, в том числе Российской Федерации (ст. 7) [5]. Вероятно, пришло время привести в соответствие с этой правильной стратегической целью находящийся в руках государства несовершенный механизм распределения благ и устранить известное противоречие. Инструментарий, которым может воспользоваться власть для выбора конкретных способов преодоления кризиса распределения, обширен и зависит от степени радикальности тех мер, на которые готова сегодня идти правящая элита. Наиболее смелым, например, выглядит предложение левых сил в России национализировать нефтегазовую отрасль и обратить, таким способом, весь доход от продажи углеводородов в пользу государства, в результате чего последнее могло бы лучше выполнять свои социальные функции. Более умеренным проектом является реформа налоговой системы, а именно отказ от использования «плоской» шкалы налогообложения и переход к «прогрессивному» принципу взимания налогов. Таким образом, богатые будут платить больше налогов, а государство через бюджетные каналы будет «перекачивать» денежные средства на борьбу с бедностью и поддержку социально незащищенных слоев населения. Данный способ перераспределения общественных фондов в наибольшей степени соответствует представлениям людей о социальной справедливости и сегодня успешно реализуется в рамках социальной государственности. Еще одна возможность отладить нашу распределительную систему заключается в возврате к государственной винной монополии. Средства от продажи алкогольной продукции – это огромный ресурс, который можно вернуть в руки государства и направить на выполнение социальных программ. По какому пути пойдет правительство, гадать трудно. Возможно, оно сможет предложить обществу иные более эффективные способы разрешения кризиса распределения. Очевидны две вещи: во-первых, сколько-нибудь длительная консервация этого кризиса невозможна в принципе, ибо в итоге это чревато сильными социальными издержками; во-вторых, действия власти по преодолению кризисного состояния должны осуществляться в интересах основной массы населения с соблюдением принципов социальной справедливости и солидаризма.

Характеризуя современный процесс политического развития, нельзя не упомянуть о *кризисе участия*. Как и предыдущие кризисы, этот тип содержит в себе противоречие, подлежащее разрешению. В этом случае речь идет о неполном соответствии имеющихся политических структур и институтов, сложившихся форм и механизмов вовлечения граждан в политику, растущим запросам населения на участие в политической жизни. Процессы демократи-

ческой трансформации политической системы, с одной стороны, вызывают у людей повышенную потребность чувствовать сопричастность к принятию управленческих решений на различных уровнях власти, а с другой – обуславливают рост числа групп интересов, соревнующихся в непосредственном доступе к рычагам власти и управления. И то и другое обстоятельства требуют создания и нормального функционирования развитой системы представительства социальных интересов, адекватной уровню политической активности масс. В этом случае демократическая общественная и государственно-политическая системы предоставляют гражданам и их группам дополнительные возможности для удовлетворения политически значимых запросов и потребностей. В частности, гражданские сообщества в целях защиты своих интересов создают различные общественные структуры (партии, организации, движения, союзы, местное самоуправление), а государство гарантирует и обеспечивает им свободную деятельность в соответствии с законом. Для гражданских объединений политической направленности решающее значение имеет наличие в стране политической свободы, т. е. возможности не только свободно образовывать политические организации, но и предоставлять им равные условия для участия в конкурентной борьбе за государственную власть. В случае, если субъект власти прямо или косвенно препятствует созданию и нормальному функционированию таких организаций, под угрозой оказывается вся система социального представительства. В итоге неизбежно обостряется общеполитическая ситуация и наступает кризис.

Позывные кризиса участия отмечены на российском политическом фоне. Несмотря на то что в стране давно существуют многочисленные структуры гражданского общества и имеется устоявшийся набор политических партий, которые, как казалось бы, вполне способны обеспечить растущий запрос населения на политическое участие, эти институты только формально справляются со своей главной функцией. Происходит это по разным причинам. Одна из них – организационно-функциональная незрелость самих гражданских объединений. Их много, но организационно они только складываются, а главное – пока еще слабо соотносят себя с теми социальными группами и их специфическими интересами, которые призваны представлять и защищать. Последнее в свою очередь является следствием идеологической аморфности, в котором пребывает наше политическое сообщество. Ни одна из политических партий сегодня не может похвастаться своей идеологической принадлежностью (за исключением, может быть, КПРФ). А для политической партии – это первоочередная задача. Без обретения отчетливого идеологического «лица» партия не может выработать базовые концепты, при помощи которых она собирается обретать собственный электорат и выполнять по

отношению к нему свою главную функцию – репрезентацию (представительство) социальных интересов. Такая вот получается причинно-следственная связь: нет идеологии – нет полноценной организации, нет организации – нет институированной системы социального представительства. Другая причина слабости гражданских политических институтов сокрыта в неоднозначной и противоречивой политике, которую по отношению к ним проводит государственная власть. С одной стороны, демократическое государство объективно заинтересовано в складывании реальной многопартийности как наиболее эффективного способа реализации социального представительства. Однако, с другой стороны, повседневная политическая практика свидетельствует о том, что государственная власть стремится «управлять» гражданским обществом, пытается моделировать его развитие в допустимых для себя формах и до некоего приемлемого для себя предела. Это выражается в конструировании монополярной партийной системы с фактической доминантой одной политической силы, ограничении политической конкуренции, искусственной и длительной консервации существующего баланса политических сил, навязывании псевдооппозиционных организаций и лидеров, силовых способах «диалога» с несистемными (не обязательно деструктивными) движениями и организациями. Ответной реакцией части общества на застой политической жизни становится протест. Протест, направленный против сужения политического пространства, необходимого людям для свободного выражения своих властно значимых интересов, и одновременно отвергающий «системные», «легальные» институты политического участия, которые прочно вписались в чиновничье-бюрократическую систему государственной власти и по сути перестали быть таковыми.

Таким образом, причины возникновения и внутреннее содержание кризиса участия, наглядно проявившееся в ходе известных событий 2011–2012 гг. в Москве и других крупных городах России, предопределяют основные пути выхода из него. Это восстановление естественного для демократии баланса между гражданским обществом и государством, отказ государственной власти от курса на постепенное ограничение политических свобод, выведение традиционных институтов социального представительства из-под излишней опеки государства, поддержка и создание благоприятных условий для развития новых форм политического участия (всенародное обсуждение социально значимых законопроектов и т. п.).

Переходные периоды развития социальных систем (так называемые транзитные состояния) характеризуются не только возникновением напряженности на линиях коммуникации их внутренних подсистем, например, общества и государства. Определенные черты кризисности несет на себе

и «собственное» развитие отдельных подсистем, которое в условиях демократического транзита никогда не проходит гладко и линейно. Так, **кризис «проникновения»** затрагивает институционально-политическую (или государственную) структуру власти. Он обусловливается противоречиями, возникающими при стремлении правящих сил (прежде всего высших органов государственной власти) реализовать свои решения во всех сферах общественной жизни. Кризис «проникновения» поражает в основном складывающиеся и развивающиеся по вертикали отношения «центр-периферия» (например, Президент – органы исполнительной власти, федеральная власть – регионы) и является по сути кризисом управления. Еще на заре прошлого столетия основоположник теории бюрократии М. Вебер писал о том, что отдельные звенья политико-управленческой пирамиды со временем становятся все более самодостаточными и начинают постепенно эмансипироваться (отдаться) от руководящего центра [6]. Отраслевая или региональная элиты все меньше связывают себя с общими для общества и государства целями и начинают «обслуживать» свои собственные узкокорпоративные интересы, метко названные другим исследователем М. Восленским «биологическими законами выживания номенклатурной бюрократии» [7]. В этих условиях «зона управляемости» центра начинает сокращаться, что выражается в утрате его властными распоряжениями своей силы по мере того, как они проходят по вертикали управленческой иерархии. По приблизительным расчетам экспертного сообщества, не менее 30 % указов и распоряжений российского Президента не исполняются нижестоящими звеньями государственного аппарата, а что касается исполнительной дисциплины на уровне регионов и муниципалитетов, то положение, надо думать, еще более сложное [8]. А разве нельзя назвать проявлениями управленческого кризиса в высших эшелонах власти возникновение и существование там на протяжении длительного времени целых «экстерриториальных пространств» с интересами, весьма далекими от общественных и государственных (военное ведомство, Министерство сельского хозяйства, учреждения Минрегионразвития, ряд департаментов Министерства науки и образования)? Или каким образом, например, должна была реализовываться суверенная воля федеральной власти в Кушевском районе Кубани, который вообще выпал из государственно-правового поля Российской Федерации и где существовала своя параллельная власть?

Нетрудно понять, что для государства развитие кризиса «проникновения» нежелательно по многим основаниям. Одно из них наиболее существенно, ибо этот кризис весьма негативно сказывается на общем имидже (восприятии) верховной власти в глазах населения. Именно поэтому Президент и Правительство России в последнее время инициировали решительное наступление на коррупцию в государственном аппарате, являющуюся сегодня едва ли не

самой опасной формой дискредитации власти и орудием нейтрализации ее управленческих усилий в центре и на местах. Все настойчивей становятся попытки федеральных структур восстановить свое влияние и силу на слабоуправляемых территориях Северного Кавказа и Дагестана. Вместе с тем преодоление кризиса «проникновения» или замедление его разрастания достигается не столько административными мерами, сколько посредством разработки и проведения эффективных реформ государственного аппарата, а также подключением к решению проблемы гражданского общества. Иными словами, самим государством должны быть инициированы тотальная ревизия своих управленческих структур (уровень бюрократизации власти в восточноевропейских странах – один из самых высоких в мире!) и последующее удаление из реестра органов власти и управления тех учреждений и организаций, которые не выполняют принципиально важных функций, дублируют полномочия, имитируют социально полезную деятельность, занимаются посредническо-агентской работой и другими разновидностями управленческой деформации. Одновременно государственные и муниципальные органы становятся максимально открытыми и прозрачными для общественного контроля. Важнейшим же показателем результативности их работы будет не «благодарный кивок» вышестоящей инстанции, а общественное признание и оценка.

Таким образом, в условиях рационального менеджмента и с помощью общественного аудита многие негативные стороны кризиса «проникновения» устранимы, чего не скажешь о ситуации, когда этот кризис продолжает развиваться дальше. В этом случае неразрешенное противоречие усугубляется и приобретает форму *кризиса легитимности*. То есть, если общество видит, что государственная власть недостаточно эффективно осуществляет «проникновение» (иначе говоря, управление) в тех или иных значимых для него сферах интересов, значительная часть граждан начинает отказываться этой власти в своей поддержке. В результате государству становится еще труднее реализовывать свою властную волю, поскольку ему приходится не только преодолевать сопротивление собственной бюрократии, но и сталкиваться с отчуждением со стороны граждан. Можно сказать, что легитимность – это своего рода показатель авторитетности государственной власти в глазах населения. Если степень легитимности власти высокая, то общество добровольно, без видимого принуждения выполняет властные распоряжения государства. Между ними существуют взаимное доверие и относительная гармония. Когда же степень легитимности низкая или недостаточная, определенная часть населения игнорирует суверенную власть и дистанцируется от нее. В результате ни общество, ни государство не могут опираться друг на друга в выполнении своих задач, происходит системная дисфункция. В кризисе легитимности имеется еще одно немало-

важное обстоятельство, которое делает его потенциально опасным для стабильности социальной и политической систем. Здесь в наибольшей мере, чем в других вариантах политических кризисов, ощущается зависимость развития событий от различных субъективных факторов. Дело в том, что, оценивая действия государства, люди постоянно соотносят цели, которыми руководствуются власти в своей политике и официально ею продекларированы, со своими собственными представлениями о необходимых формах и средствах политического управления, нормах справедливости и другими ценностно-образующими аспектами массового сознания. Поэтому даже улучшение реального состояния, но не столь существенное по отношению к ожидаемым размерам, может привести к эскалации кризиса легитимности, а в дальнейшем – к открытому социальному протесту. Именно этого добиваются различного рода радикалистские политические силы, которые вносят свою «лепту» в обострение ситуации. Часто действуя на популистском уровне, они стремятся раздуть проблему, лежащую в основе социального напряжения, возбудить у населения агрессию против подлинных или мнимых виновников того, что социальные запросы не удовлетворяются. Как правило, роль «виноватых» вначале отводится этническим меньшинствам, представителям иной религии, тем или иным социальным группам (предпринимателям, торговцам, интеллигентам и т. д.). Затем социальная ненависть может быть направлена против основ конституционного устройства. Одним словом, это уже прямой путь к социальным катаклизмам и насилию.

Как и в предыдущем случае, кризис легитимности преодолевается только совокупными усилиями общественных сил и государственной власти. Хотя, конечно же, большая доля ответственности здесь лежит на государстве, так как оно обладает необходимым набором сил и средств антикризисного управления. Степень легитимности власти, как правило, возрастает в результате проведения государством продуманной и долговременной социальной политики: развития программ повышения уровня и качества жизни населения, обеспечения защищенности социально уязвимых слоев общества, борьбы с бедностью, поощрения рождаемости, повышения качества и доступности образования и здравоохранения, улучшения экологической среды обитания. В предыдущие годы в России в этом плане был сделан неплохой задел, и эту позитивную динамику необходимо продолжать. Для определенных категорий населения первостепенное значение имеет доступ не только к социальным, но и к политическим ресурсам, т. е. возможность сопричастности к процессу принятия решений. И это еще одна из сфер конструктивного взаимодействия государства и гражданского общества по преодолению кризиса. В целом же общественные структуры оказывают содействие усилиям власти по двум направлениям: через решительный отказ от конфронтационных способов

защиты своих интересов и посредством активного подключения к обсуждению стратегии и тактики выхода из кризиса (народная инициатива, общественная экспертиза, гражданский контроль и т. п.).

Основные выводы. Безусловно, о кризисах политического развития можно рассуждать и далее. Эта тема всегда будет актуальной, и будет вызывать широкий общественный резонанс, поскольку напрямую связана с защитой национальных и государственных интересов страны, отражается на спокойствии и благосостоянии общества, сказывается на социальном и психологическом здоровье граждан. Вместе с тем мы не должны давать волю эмоциям и излишне драматизировать ситуацию, связанную с протеканием кризисов. С другой стороны, у нас нет права занимать позицию пассивного наблюдателя и лицемерить, как те или иные острые противоречия раздирают страну. Выход находится в спокойном и обстоятельном анализе как отдельных фактов, из которых, подобно тетрису, «складывается» каждый кризис, так и в знании и учете общих и характерных для всех кризисных явлений закономерностей. Во-первых, политический кризис никогда не случаен. Он всегда закономерен, ибо лежащие в его основе противоречия, противоположности, различия между социальными и политическими силами, тоже закономерны. Таким образом, кризис – это явление объективное. Во-вторых, кризис это не всегда плохо. В конце концов именно через разрешение противоречий достигаются равновесие и последующая стабильность в развитии социальной и политической систем, осуществляется любой прогресс вообще. Таким образом, кризиса не нужно безоглядно бояться. В-третьих, кризис нельзя игнорировать и тем более пытаться искусственно законсервировать. Он имеет свою логику протекания и неизбежно либо развивается в сторону своего разрешения, либо скатывается к более усугубленной форме столкновения интересов – конфликту. То есть кризис всегда надо стремиться разрешать. В-четвертых, разрешить кризис означает снять противоречие, лежащее в его основе. В противном случае кризисность будет постоянно воспроизводить себя во все новых формах. Таким образом, разрешать кризис нужно через воздействие на его причину, а не на внешние проявления и последствия. В-пятых, чтобы устранить причину кризиса, нужно приложить для этого волю и умения. Иными словами, тут требуется сплав стремлений и знаний. Следовательно, кризисом можно и нужно учиться управлять, хотя это и очень непросто. И наконец, в-шестых, чтобы управление кризисами не казалось делом неподъемным и бесперспективным, к этой работе должны быть подключены все заинтересованные субъекты. Таким образом, преодоление острых социальных кризисов достигается через мобилизацию всех здоровых гражданских и политических сил страны, консолидацию общества и государственной власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Независимая газета. – 2013. – 18 янв.
2. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М. : АСТ, 2003. – 603 с.
3. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма. – М. : АСТ, 2007. – 588 с.
4. Воронина Т. П. Информационное общество: сущность, черты, проблемы / Т. П. Воронина. – М. : Наука, 1995. – 111 с.
5. Конституция Российской Федерации. – М. : Кодекс, 2010. – 31 с.
6. Вебер М. Избранное. Образ общества / М. Вебер. – М. : Юрист, 1994. – 704 с.
7. Восленский М. Номенклатура / М. Восленский. – М. : «Захаров», 2005. – 640 с.
8. Независимая газета. – 2012. – 27 окт.

КРИЗИ ПОЛІТИЧНОГО РОЗВИТКУ: ТРАГЕДІЯ БЕЗВИХІДНОСТІ АБО ШАНС НА ОНОВЛЕННЯ?

Лобанов К. М.

Стаття присвячена актуальній для внутрішнього політичного життя пострадянських держав проблемі розгортання і подолання криз політичного розвитку. Автор публікації прагне показати походження, внутрішній зміст різних типів політичної кризи і намітити основні шляхи виходу із стану перманентної соціальної і політичної напруженості.

Ключові слова: соціальна криза, криза політичного розвитку, соціальна напруженість, політичні протиріччя, розв'язання політичної кризи, відновлення рівноваги в суспільстві та політичній системі.

CRISES OF POLITICAL DEVELOPMENT: TRAGEDY OF IRREPARABLENESS OR CHANCE ON AN UPDATE?

Lobanov K.

Given article is devoted actual for the internal political life of the former soviet states problem of expansion and overcoming of crises of political development. The author of the publication aspires to show an origin, the internal maintenance of various types of political crisis and to plan the basic ways of an output from a condition permanent social and a political tension.

Key words: social crisis, crisis of political development, social intensity, political contradictions, the overcoming of political crisis, restoration of balance in a society and in a political system.

